
К истокам герменевтической концепции: эпистолярный нарратив Густава Шпета*

© 2019 г. И.О. Щедрина

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, 119049,
Мароновский пер., д. 26.

E-mail: echiscar@yandex.ru

Поступила 21.03.2019

Расширение методологического поля, изменчивость и многообразие научных подходов в XX–XXI вв. приводит к тому, что в настоящее время все большее число исследователей-гуманитариев в поисках некоторой предметной константы обращается к архивным материалам (заметкам, черновикам, эпистолярному наследию). В этих источниках, как правило, содержатся экзистенциальные нарративы, позволяющие прояснять истоки концептуальных конструкций. В статье эпистолярный нарратив рассматривается как своего рода «сфера разговора» (понятие А. Бэна), особый тип общения, т.е. как поле для анализа герменевтической концепции Г.Г. Шпета и выявления ее интеллектуальных и экзистенциальных истоков. Показано, что письмо-сказка «Девочка-Цветочечка» (как пример эпистолярного нарратива), которую Шпет написал для дочери Маргариты в 1914 г., и его более поздние рассуждения о специфике разных видов понимания, приведенные им в докладе «Искусство как вид знания» (1927), содержательно пересекаются. Проблема уразумения смысла, поставленная Шпетом в седьмой главе книги «Явление и смысл» (1914 г.), символически преобразуется (предстает в поэтических формах слова) в нарративе (сказке). Это «перетекание смысла» из одной внешней формы в другую (при сохранении внутренней формы) Шпет затем концептуализирует в книге «Внутренняя форма слова» (1927 г.). При этом, конкретные герменевтические приемы, используемые Шпетом в эпистолярном нарративе, автор сопоставляет с методологическими идеями Ф. Шлейермахера и Г.-Г. Гадамера.

Ключевые слова: Г.Г. Шпет, герменевтика, эпистолярный нарратив, смысл, понимание, разговор.

DOI: 10.31857/S004287440007159-9

Цитирование: *Щедрина И.О.* К истокам герменевтической концепции: эпистолярный нарратив Густава Шпета // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 37–41.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01252 «Историческая память и историческое понимание: эпистемологические риски обращения к нарративу».

To the Origins of the Hermeneutic Concept: Gustav Shpet's Epistolary Narrative*

© 2019 г. Irina O. Shchedrina

State Academic University for the Humanities, 26, Maronovskiy lane, Moscow, 119049, Russian Federation.

E-mail: echiscar@yandex.ru

Received 21.03.2019

The expansion of the methodological field, the variability and diversity of scientific approaches in the 20-21th centuries leads to the fact that at present an increasing number of humanities scholars, in search of a certain subject constant, turns to archival materials (notes, drafts, epistolary heritage). These sources, as a rule, contain existential narratives that make it possible to clarify the origins of conceptual constructions. In the article, the epistolary narrative is considered as a kind of “sphere of conversation” (the concept of A. Ben), a special type of communication, i.e. as a field for the analysis of the hermeneutical concept of G.G. Shpet and revealing its intellectual and existential sources. It is shown that the fairy tale letter “Little Girl Tsvetlubochka” (as an example of an epistolary narrative), which Shpet wrote for his daughter Marguerite in 1914, and his later discussions about the specifics of different types of understanding, given by him in the report “Art as a kind of knowledge” (1927), meaningfully intersect. The problem of understanding the meaning posed by Shpet in the 7th chapter of the book “Phenomenon and Meaning” (1914) is symbolically transformed (appears in poetic forms of the word) into a narrative (fairy tale). This “flow of meaning” from one external form to another (while maintaining the internal form) is then conceptualized by Shpet in the book “The Internal Form of the Word” (1927). At the same time, the author compares the specific hermeneutic techniques used by Shpet in an epistolary narrative with methodological ideas of F. Schleiermacher and H.-G. Gadamer.

Key words: G.G. Shpet, hermeneutics, epistolary narrative, meaning, understanding, conversation.

DOI: 10.31857/S004287440007159-9

Citation: Shchedrina, Irina O. (2019) ‘To the Origins of the Hermeneutic Concept: Gustav Shpet's Epistolary Narrative’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2019), pp. 37–41.

В седьмой главе книги «Явление и смысл» Шпет рассуждает о формах выражения смысла: «“Выражение” (понятие) как бы распадается на две части: и рядом с чисто логической, рассудочной, формой “охвата” и “обнимания” мы замечаем другой, разумный момент “осмысления” и “уразумения”. Бытие разума состоит в герменевтических функциях, устанавливающих разумную мотивацию, исходящую от энтелехии, как “носителя” предметного бытия, как “духа предмета”. Последний находит свою характеристику в *логосе*, – “выражении”, – проникающим предмет и составляющим явление, “обнаружение”, “воплощение” духа. Его “объективирование”, будучи разумным, мотивированным, есть организующая направленность различных форм духа в их социальной сути: язык, культ, искусство, техника, право» [Шпет 2005, 174]. В этом рассуждении отчетливо проступают контуры его концепции «внутренней

* The research is carried out at expense of RFBR, project № 18-011-01252 «Historical memory and historical understanding: epistemological risks of appeal to narrative».

формы слова», в основании которой лежит герменевтическая методология. В это же время он пишет сказку «Девочка-Цветолобочка», в которой воплощаются его теоретические установки. Эта сказка может сегодня рассматриваться как эпистолярный нарратив и фактически выступает в качестве «со-мысли» Шпета о жизненном, экзистенциальном потенциале герменевтики (Подробнее о роли нарратива в гуманитарных исследованиях см.: [Herman, 1997; Hogan, 2013; Baroni, Revaz, 2016; Тюпа web]).

Шпет сочинил эту сказку для дочери Маргариты, когда та болела дифтерией, об этом событии упоминается в его письмах к Н.К. Шпет, а также в письме Л.И. Шестова [Щедрин (ред.) 2005, 197, 333]. При всех жанровых особенностях сказки Шпет в игровой форме рассказывает маленькой девочке о важности понимания смыслов, знания разных языков и о значимости общения. Игру словами и смыслами Шпет начинает с посвящения и в первой же фразе разясняет: «Цветолобочка, — так уже все называли эту девочку, хотя ее настоящее имя обозначало только один простенький цветочек, скромную маргариточку» [Щедрин (ред.) 2005, 297]. Сюжет сказки прост. Девочка отправилась в Царство нарциссов, а ее подстерегал маленький враг «микроб» (палочка дифтерии, которую разглядел ученый Лёффлер [Щедрин (ред.) 2005, 298]). Этот микроб увлек девочку за собой, и она заблудилась. И не у кого дорогу спросить домой, так как Цветолобочка не знала языка цветов. Затем она встретила Бабу-Ягу, которая попыталась преградить ей дорогу домой. Но Нарцисс-повелитель, который попал в букет, помог Цветолобочке справиться с чарами Бабы-Яги и передал свою волшебную силу другому нарциссу (его Цветолобочка специально отложила для папы), а потом папа, который дружил с фонариками, помог ей вернуться домой.

Конечно, сразу видно, что сказку эту придумал философ, который не просто описывает реальность и переводит ее на язык образов. Текст пронизан рассуждениями. К примеру, вот как он объясняет дочери происхождение добра и зла: «Ведь самого Гора и самой Радости не существует отдельно от людей, они так и не существовали никогда. А появляются они у нас от того, что человек сам сделает так, чтобы другим было хорошо, тогда у него появляется радость, или плохо, тогда у него горе. Ну, значит, так он сам себе их причиняет, но так же получает он их от других. Но только с тех пор, как человек начал всюду вмешиваться, и разные вещи стали причинять горе или радость. И все равно, как бывают люди, которые только и делают, что причиняют другим радость, а другие — горе, так завелось и у всех вещей и существ на свете. Ну и это еще не все. Все знают, что есть люди великие и люди мелкие. И вот, великие люди все больше приносят радость, и чем они сами больше, тем и радость от них больше, а у мелких так, что чем они меньше, тем и горе от них больше, то же завели и все существа и вещи. Вот сколько разного нужно было рассказать, чтоб всем было ясно, откуда и у девочки Цветолобочки появились враги» [Щедрин (ред.) 2005, 297–298]

В этом рассуждении проступают контуры шпетовской этической концепции, ее смысл. (Замечу, кстати, ни в одном шпетовском опубликованном произведении эта концепция не выражена яснее, чем в этой сказке.) Специфика ее в том, что человек видит мир таким, каким он его способен истолковать. Этот пример очень показательен для герменевтического исследования, когда читатель интерпретирует, а тем самым понимает стоящую за словом реальность. То самое движение по кругу, о котором писали Шлейермахер, Гадамер и др. «Неизбежное движение по кругу именно в том и состоит, что за попыткой прочесть и намерением понять нечто “вот тут” написанное “стоят” собственные наши глаза (и собственные наши мысли), коими мы это “вот” видим [Гадамер 1991, 18].

Еще один важный момент, касающийся герменевтики напрямую — тема разговора и языка. В сказке Шпет несколько раз ставит акценты на этом. Необходимо отметить специфику воспитания детей в семье Шпета: с самых ранних лет они учили языки, писали домашние диктанты и читали множество книг. Зная этот контекст, зная элементы биографии и Шпета и его домашних, читатель начинает понимать, откуда знает много языков Маргариточка: «Но старуха ничего не могла ответить, потому что не понимала того языка, на котором спросила Цветолобочка <...> Не важно, что она

еще малютка, она уже много стран видела, и она сразу поняла, на каком языке ей ответила старуха. — Я спрашиваю, бабушка, — сказала она уже на языке старухи, — где дворец вот этих цветов?» [Шедрина (ред.) 2005, 299]. Точно так же можно понять, почему в сказке Шпет описывает папу Цветолобочки как человека, который «...давно и много учился всему по разным книгам, а потому совсем не умел разговаривать с живыми вещами и существами. Только книги рассказывали ему, все, что ему нужно» [Шедрина (ред.) 2005, 304]. Поэтому и помощь он получил от фонариков (символ света знания и проблесков понимания): «Ведь фонарики, как только их зажгут, тотчас вступают в беседу друг с другом, и каждый рассказывает другому, что наблюдал за весь день, и что ему видно ночью. Теперь не забудьте, что фонарики есть на всем свете, — хотя и разные везде, — где только есть люди и жилье человеческое. Значит, как только заговорят между собою, им легко узнать все, что только делается на белом свете, потому что ведь все они находятся в общении, и весть от одного к другому передается моментально. Всем известно, что свет распространяется скорее всего на свете! Даже океан самый широкий не мешает фонарикам сообщаться друг с другом, потому что по океану всегда бегают пароходы с фонариками, а на берегах стоят огромные фонари — маяки» [Шедрина (ред.) 2005, 304]. В данном случае раскрывается тот самый герменевтический принцип соотношения понимания частей и целого, о котором говорил Шлейермахер: «...все отдельное может быть понято при посредстве целого, и что каждое объяснение отдельного уже предполагает понимание целого» [Шлейермахер web].

Однако разговор, пусть и с предметами (книги, фонари, даже цветы), играет важную роль в сказке Шпета, поскольку именно общение, взаимодействие, разговор — смыслообразующий момент для философа. Здесь можно увидеть также корни его дальнейших рассуждений о понимании. Так, в 1927 г. в работе «Искусство как вид знания» он пишет о симпатическом понимании: «...приходится говорить, если о понимании все-таки, то понимании особого рода, не интеллектуальном, а любовном или ненавидящем. Чтобы подчеркнуть имеющую здесь место непосредственность переживания у воспринимающего как ответ на переживание N, здесь уместно говорить о *симпатическом понимании*. Слово “симпатия” оттеняет и эмоциональный по преимуществу способ восприятия переживаний N, и его непосредственность, основанную на прямом “подражании”, “сопереживании”, “вчувствовании” и т.п.» [Шпет 2007, 248].

Без этой непосредственности понимания, без Другого невозможно поддержание «сферы разговора» — и этим Шпет делится в сказке с дочерью. Неслучайно, когда девочка по сюжету попадает в беду, она оказывается вначале в ситуации непонимания («Нарциссики качаются, головками кивают, показывают, куда идти, что-то шепчут так тихонько между собою, но ведь Цветолобочка еще не понимала их языка» [Шедрина (ред.) 2005, 298]), а затем и вовсе в изоляции от других людей. И спасает ее именно языковое свидетельство фонарика. «Может, — обращается она к фонарику, — кто-нибудь тут пройдет после меня и найдет тебя, и ты Расскажи обо мне!» [Шедрина (ред.) 2005, 305].

Таким образом, эта сказка — творческая лаборатория, которую нам раскрывает архив Шпета. Здесь отчетливо проступает его движение к «внутренней форме слова», как основе понимания действительности. И легко видно, на каком материале эта концепция рождалась: нарратив в поэтической форме представляет нам его логику смысла (то, что позднее Шпет определит как внутреннюю форму слова). Приведу цитату из книги, написанной Шпетом через 13 лет: «То, что до сих пор излагают как “историю значений”, в значительной части есть история самих вещей, перемены в способах употребления их, вообще быта, но не “история” смыслов как идеальных констелляций мысли. Поэтому-то, в действительности, до сих пор у нас нет не только “истории значений” (собственно словообразования или словопроизводства — из этимон), — но нет даже принципов классификации возможных изменений значений. Опыты Пауля, Бреаля, Вундта — решительно неудачны. Не говоря уже о смешении названия со “словом”, вещи и представления со смыслом, в них смешиваются в качестве принципиальных формы логические с поэтическими. Между тем смысл разливается и по тем и по другим, т.е. от рода к виду, и обратно, от части к целому,

от признака к вещи, от состояния к действию и т.п., но также от несущественного логически, но характерного поэтически к вещи и т.п. “Однорукий”, как название “слона”, не меняет логической формы, но на ней водружает новую форму. “Земля в снегу”, “под снежным покровом”, “под снежной пеленой”, “в снежной ризе” и т.п. — все эти слова могут рассматриваться как одна логическая форма, но здесь не одна внутренняя форма поэтическая» [Шпет 2007, 241].

Источники – Primary Sources in Russian

Гадамер 1991 – *Гадамер Г.-Г.* Философские основания 20 века // *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 16–26. [Gadamer, Hans-Georg *Die philosophischen Grundlagen des zwanzigsten Jahrhunderts* (Russian Translation, 1991)].

Шлейермахер web – *Шлейермахер Ф.Д.* Академические речи 1829 года // http://sbiblio.com/biblio/archive/shleyermaher_ak/ [Schleiermacher, Friedrich D.E. *Hermeneutik* (Russian Translation, 1991)].

Шпет 2005 – *Шпет Г.Г.* Мысль и Слово. Избранные труды / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005 [Shpet, Gustav G. *Thought and Word. Selected Works* (in Russian)].

Шпет 2007 – *Шпет Г.Г.* Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2007 [Shpet, Gustav G. *Art as a Kind of Knowledge. Selected Works on the Philosophy of Culture* (in Russian)].

Щедрина (ред.) 2005 – Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005 [Shchedrina Tatiana (ed.) *Gustav Shpet: Life in Letters. Epistolary Heritage* (in Russian)].

Ссылки – References in Russian

Тюпа web – *Тюпа В.И.* Логос наррации: к проекту исторической нарратологии // *Narratorium*. 2015. №1 (8) // <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2634327>

References

Baroni, Raphaël, Revaz, Françoise (2016) *Narrative Sequence in Contemporary Narratology*, The Ohio State University Press, Columbus.

Herman, David (1997) ‘Scripts, Sequences, and Stories: Elements of a Postclassical Narratology’, *PMLA: Publications of the Modern Language Association of America*, 112, pp. 1046–1059.

Hogan, Patrick C. (2013) *Narrative Discourse: Authors and Narrators in Literature, Film, and Art*, The Ohio State University Press, Columbus.

Тюпа, Valery I. (web) ‘The Logos of Narration: Towards a Project of Historical Narratology’, *Narratorium*, 1(8) // <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2634327> (in Russian)

Сведения об авторе

ЩЕДРИНА Ирина Олеговна – кандидат философских наук, старший преподаватель Государственного академического университета гуманитарных наук

Author’s information

SHCHEDRINA Irina O. – CSc in Philosophy, Assistant professor, State Academic University for the Humanities.